ЭС
585
Грот

СВОБОДА

ВЪ

КИЗНИ И ГОСУДАРСТВѢ.

Этюдъ по Чаннингу

НАТАЛІИ ГРОТЪ.

Второе изданіе.

Въ пользу голодающихъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Мин. Пут. Сообщ. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

19467 LXI 135.

СВОБОДА

ВЪ

ЖИЗНИ и ГОСУДАРСТВѢ.

Этюдъ по Чаннингу

НАТАЛІИ ГРОТЪ.

Второе изданіе.

Въ пользу голодающихъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
232
34

Тип. Мин. Пут. Сообщ. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117

Настоящій этюдъ былъ составленъ покойной писательницей Н. П. Гротъ въ 1878 г. во время освободительной войны нашей съ Турціей и изданъ въ пользу вдовъ и сиротъ убитыхъ воиновъ. Рѣшившись переиздать его нынѣ съ тѣмъ, чтобы обратить всю выручку *въ пользу голодающихъ*, мы руководствуемся мыслью, что эта маленькая книжка и изложенные въ ней въ самостоятельной обработкѣ автора взгляды и идеи знаменитаго американскаго мыслителя, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало извѣстнаго, нынѣ не только не утратили своего интереса и значенія, но, напротивъ, именно въ наши дни всякихъ освободительныхъ стремленій, начинаній и актовъ, при ужасающихъ проявленіяхъ нравственной распущенности и крайне своеобразномъ, порой прямо разнузданномъ пониманіи вожделѣнныхъ „свободъ", заслуживаютъ особеннаго вниманія и вдумчиваго, сочувственнаго къ себѣ отношенія.

Вотъ почему мы надѣемся, что русскій читатель, любящій свою родину и не утратившій здраваго разумѣнія и нравственнаго чутья въ чаду современной революціонной горячки, сумѣетъ оцѣнить какъ чистоту, глубину и вѣрность высказанныхъ здѣсь мыслей, такъ и великую ихъ назидательность для насъ въ переживаемую нынѣ Россіею критическую эпоху. Благая же цѣль изданія да поможетъ его распространенію.

К. Г.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Въ настоящіе тяжелые для всѣхъ дни великой борьбы за свободу угнетенныхъ братьевъ, для которыхъ Россія приноситъ столько жертвъ, намъ кажется особенно кстати остановить вниманіе мыслящихъ людей на словѣ „свобода“, которое въ наше время стало знаменемъ народовъ, какъ и отдѣльныхъ лицъ и партій. Необходимо вдуматься, отчего свобода, въ которой человѣкъ такъ страстно стремится, остается всего чаще пустымъ звукомъ, утопическимъ мечтаніемъ людей незнакомыхъ съ жизнью, или даже является орудіемъ зла и насилія.

Первая ступень человѣческой свободы есть, конечно, избавленіе отъ рабства матеріальнаго, есть огражденіе безопасности жизни отъ звѣрскаго насилія и преступленій, а труда и имущества отъ разграбленія. На эту первую ступень свободы силимся мы поставить порабощенные Славянскіе народы и, обладая сами этими первыми благами[1]), спѣшимъ подѣлиться ими съ братьями менѣе насъ счастливыми. Если намъ удастся довершить этотъ великій подвигъ во имя Христовой любви, можемъ ли мы послѣ того успокоиться, или намъ предстоитъ восходить на высшую ступень пониманія *таинства свободы*?

Мы употребили слово „таинство“, потому что истинныя (а не призрачныя) блага свободы сокрыты отъ взоровъ людей, полагающихъ свободу въ перемѣщеніи власти изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ угожденіи своему эгоизму и страстямъ, въ безнаказанности зла и преступленія, въ безпрестанномъ заявленіи своихъ правъ и полнѣйшемъ

---

[1]) Увы! какъ разъ теперь, въ переживаемое смутное время, мы сами утратили эти первыя блага...

К. Г.

непризнаніи какихъ-либо обязанностей. Скажите такимъ людямъ, что духовная свобода, какъ понималъ её Христосъ и его послѣдователи, есть единственный источникъ всякой гражданской свободы, и они тотчасъ отвѣтятъ, что это мечтательная утопія, идеализмъ, который можетъ только вызвать улыбку на устахъ людей практическихъ. А между тѣмъ неотразимая истина заключается въ томъ, что пока человѣкъ пренебрегаетъ своими высшими духовными интересами, пока онъ не вникнетъ въ глубину собственной души и не пойметъ своихъ силъ, способностей и цѣли, для которой онъ созданъ, до тѣхъ поръ онъ не будетъ свободнымъ.

Изъ всѣхъ замѣчательныхъ мыслителей человѣчества, которые старались разрѣшить вопросъ о свободѣ, насъ особенно поразилъ знаменитый американскій писатель Чаннингъ († 1842). Истина, которою проникнуты его мысли, убѣдительность и ясность, съ которыми онѣ высказаны, врѣзали ихъ навсегда въ наше сердце. Мы давно положили себѣ когда-нибудь подѣлиться этими здравыми взглядами съ тѣми изъ нашего читающаго общества, которые ищутъ правды, и думаемъ что теперь настала благопріятная къ тому минута.

Не можемъ при этомъ не вспомнить словъ, вырвавшихся у Лабулэ, французскаго переводчика Чаннинга, въ его предисловіи: „Недавно попались мнѣ случайно въ руки творенія Чаннинга. Читая писателя, умершаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и котораго имя было мнѣ вовсе неизвѣстно, я былъ изумленъ и даже смущенъ, найдя въ немъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе тѣхъ ужасныхъ задачъ, которыя подъ именемъ соціализма волнуютъ всю Европу и висятъ еще на горизонтѣ грозными тучами“.

Изучивъ съ особеннымъ вниманіемъ произведенія Чаннинга, мы въ послѣдующемъ будемъ часто пользоваться его мыслями, удерживая однако за собою полную свободу какъ въ распредѣленіи предмета, такъ и въ изложеніи.

1. Духовная свобода—основаніе гражданской.

Только духовная свобода можетъ служить къ утвержденію гражданской свободы, сказали мы выше. Итакъ отмѣтимъ прежде всего самую характеристическую черту духовной свободы. Она не есть состояніе духа отрицательное, пассивное, не есть только отсутствіе грѣха, ибо такая свобода можетъ быть удѣломъ низшихъ животныхъ или дѣтей на степени безсознательнаго существованія. Духовная свобода есть дѣятельное и живое начало въ душѣ, въ которой разумъ и совѣсть начали дѣйствовать, побѣждая зло и соблазнъ свободной силой собственной энергіи, вѣрностью правдѣ и долгу. Это нравственная сила святаго намѣренія, подкрѣпленная вѣрою въ Бога и стоящая на стражѣ противъ чувственности страстей и міра. Это снятіе оковъ съ ума, совѣсти и воли, чтобъ они могли безконечно совершенствоваться. Сущность духовной свободы есть власть надъ собою.

Только та душа можетъ назваться свободною, которая, убѣжавъ отъ порабощенія предметамъ низкимъ, привязалась къ чистымъ и возвышеннымъ.

Только та душа свободна, которая, взирая на Бога, какъ на внушителя всякаго добра, приняла своимъ высшимъ руководителемъ законъ, написанный въ сердцѣ человѣка и въ словѣ Божіемъ, и, повинуясь ему, умѣетъ быть покорной Промыслу, управлять собою и развивать свои лучшія способности.

Только та душа свободна, которая, уберегаясь отъ животныхъ побужденій, проводитъ жизнь свою не въ томъ, чтобъ спрашивать себя: что я буду ѣсть и пить, но алчетъ, жаждетъ и ищетъ правды.

Душа свободная не даетъ поработить себя матеріи, не останавливается на одной видимой природѣ, чтобъ сдѣлать себѣ изъ нея стѣну: она переходитъ отъ природы къ Создателю и въ свѣтозарныхъ знаменіяхъ без-

конечнаго Духа, разсѣянныхъ по всей вселенной, находитъ пособія для собственнаго духовнаго возвышенія.

Душа свободная раскрывается для свѣта и правды, откуда бы они ни являлись, принимаетъ всякую истину, какъ посланницу Неба. Она не даетъ уносить себя потокомъ событій и вліяніемъ другихъ людей, но подчиняетъ себѣ обстоятельства, заставляя ихъ служить своему усовершенствованію, руководствуясь во всемъ неизмѣнными началами, принятыми разумомъ по зрѣломъ размышленіи.

Душа свободная умѣетъ защитить себя отъ вторженія суетности, не пресмыкается передъ мнѣніемъ, но чувствуетъ себя отвѣтственной передъ судомъ высшимъ, нежели судъ человѣческій. Нравственные законы стоятъ для нея выше господствующихъ увлеченій, и она никогда не отдастъ себя въ рабство толпы, или даже въ распоряженіе избраннаго кружка.

Душа свободная не полагаетъ границъ любви своей. Она не запирается въ себѣ самой, ни въ узкой національности, ни въ какой-либо партіи или сектѣ, а видитъ во всѣхъ людяхъ образъ Божій и права дѣтей Его, чтитъ добро и сочувствуетъ страданію, гдѣ бы ни встрѣтила ихъ.

Наконецъ, душа свободная, побѣждая эгоизмъ, гордость и лѣность, служитъ человѣчеству своими силами и умѣніемъ. Въ виду великихъ обѣтованій безсмертія, данныхъ намъ черезъ Іисуса Христа, она переступаетъ границы времени и смерти, находя въ себѣ неистощимую силу дѣятельности, любви и страданія.

Такова свобода, принесенная на землю Христомъ. Она состоитъ въ нравственной силѣ, въ наблюденіи за собою, въ расширеніи мысли и любви, въ неослабномъ дѣйствіи лучшихъ нашихъ способностей. Нельзя представить себѣ, чтобъ Богъ могъ даровать намъ высшее благо.

Безъ сомнѣнія многимъ въ нашемъ вѣкѣ эти блага

покажутся слишкомъ утонченными, чтобъ ихъ избрать цѣлью стремленій для обществъ и для правительствъ. Въ наше время люди болѣе чѣмъ когда-либо живутъ рабами чувственности, страстей и свѣта, но за то рабство это дѣлаетъ ихъ жалкими, и пока это будетъ продолжаться, никакія политическія учрежденія и преобразованія не дадутъ имъ счастья.

Теперь выяснимъ, почему гражданская и политическая свобода имѣетъ мало цѣны и даже неосуществима, если она не исходитъ изъ духовной свободы. Что такое политическая свобода? Это отсутствіе всякихъ внѣшнихъ стѣсненій, кромѣ тѣхъ, которыхъ требуетъ общее благо. Но съ какой цѣлью уничтожать эти стѣсненія? Конечно, для того, чтобъ проявить свои душевныя силы и дѣйствовать самостоятельно. Зачѣмъ разбивать оковы заключеннаго, если не за тѣмъ, чтобъ онъ употребилъ въ дѣло свои члены? Зачѣмъ отворять ему темницу, если не для того, чтобъ онъ, раскрывъ взоры на пространство, могъ употреблять свои способности и наслаждаться ими. Свобода, которая не производитъ дѣятельности и развитія силъ народа, есть только пустое имя и ничѣмъ не лучше рабства.

Первыми благодѣяніями свободныхъ учрежденій считаютъ обыкновенно свободу слова, свободу совѣсти и свободу труда. Снимая оковы съ ума, они благопріятствуютъ его силѣ, оригинальности и широтѣ мысли. Даруя свободу совѣсти, они способствуютъ болѣе живому религіозному чувству и возвышенію души къ Богу. Устраняя стѣсненіе труда, они возбуждаютъ духъ къ изобрѣтательности и предпріимчивости въ изслѣдованіи и подчиненіи себѣ природы. Наконецъ свободныя учрежденія поддерживаютъ благородство чувствъ: откровенность, мужество и самоуваженіе. Но чтобы наслаждаться всѣми этими благами свободы, человѣкъ долженъ быть приготовленъ къ нимъ духовнымъ освобожденіемъ. Къ чему послужитъ ему то, что онъ не будетъ задавленъ чужимъ ярмомъ,

если невѣжество и порокъ, эгоизмъ и слабость лишаютъ его власти надъ собою? Худшіе тираны тѣ, которые поселяются въ нашемъ сердцѣ. Человѣкъ, которому недостаетъ твердыхъ правилъ и воли, есть рабъ, хотя бы онъ дышалъ воздухомъ свободы.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что самое практическое воспитаніе для народа есть то, которое запечатлѣваетъ въ душѣ его важность его духовныхъ интересовъ. Нравственная сила народа—вотъ лучшій залогъ свободы. До сихъ поръ между правителями преобладало мнѣніе, что личностью можно жертвовать внѣшнимъ гражданскимъ интересамъ. Но для человѣка гражданскія отношенія не составляютъ еще высшей цѣли существованія. Онъ созданъ для безконечнаго развитія, и для того поставленъ въ гражданскія отношенія, чтобъ они служили средствомъ къ его развитію. Душа человѣка по значенію своему выше государства, потому что должна пережить всѣ земныя учрежденія. Человѣкъ ѣсть членъ общества, но не такъ какъ колесо есть часть машины, назначенное только для общаго совокупнаго дѣйствія. Человѣкъ есть самое совершенное, самое законченное изъ Божіихъ твореній, и благодаря безсмертію онъ можетъ осуществить въ душѣ блага высшія, чѣмъ временные земные интересы. Потому весь успѣхъ общества заключается въ возвышеніи личности, въ сообщеніи ей сознанія высокой цѣнности своей души.

Но, возразятъ намъ: какъ же соединить съ такимъ взглядомъ интересы государства? Мы отвѣтимъ: никогда рабъ не можемъ служить ближнему съ такой пользой и усердіемъ, какъ человѣкъ свободный, который, не находясь ни подъ чьимъ ярмомъ, самъ подчиняется закону долга, написанному въ его сердцѣ. А долгъ этотъ предписываетъ ему великодушіе и самоотверженіе какъ вѣнецъ славы не земной, а приближающей его къ самому Богу. Сознаніе своей личности и нравственной независимости есть вѣрнѣйшее основаніе всеобъемлющей любви. Никто

такъ не укрѣпляетъ связь свою съ обществомъ, какъ человѣкъ, который работаетъ надъ собственнымъ усовершенствованіемъ. Никто такъ радостно не приметъ стѣсненій, требуемыхъ общимъ благомъ, какъ человѣкъ, который ставитъ духовное выше матеріальнаго. Вотъ самое крѣпкое сочетаніе между благомъ государства и нравственнымъ достоинствомъ и независимостью отдѣльныхъ личностей. Имуществомъ и даже жизнью человѣкъ свободный будетъ охотно жертвовать для блага отечества, но душу свою онъ не долженъ ни пятнать, ни порабощать ни для чьихъ интересовъ въ мірѣ.

2. Религія.

Итакъ мы старались выяснить, что духовная свобода—то есть энергія и возвышенность души—есть та великая сила, которой должна быть подчинена гражданская свобода. Укажемъ теперь, какими средствами эта свобода можетъ быть подвинута впередъ. Они весьма разнообразны, но мы ограничимся двумя главными изъ нихъ: религіей и правительствомъ, разумѣя подъ послѣднимъ не одну высшую власть, но всю совокупность управляющихъ и интеллигентныхъ классовъ общества.

Начнемъ съ религіи—этого могущественнѣйшаго двигателя дѣлъ человѣческихъ. Ей особенно принадлежитъ подвигъ освобожденія и возвышенія духа. Вѣра въ Бога—это единственная сила, помогающая намъ противиться подавляющей тягости чувствъ, міра и соблазновъ. Всѣ другія средства сравнительно ничтожны. И всякій разъ, какъ религіозное чувство извращалось среди людей, жизнь ихъ была полна преступленій и бѣдствій. Энергія, которую религія сообщала страстямъ человѣческимъ, когда она къ нимъ примѣшивалась, краснорѣчиво говоритъ намъ, какимъ могуществомъ она обладаетъ.

Религія даетъ силу, жизнь и возвышенность душѣ

человѣка, связывая ее съ Предвѣчнымъ Духомъ. Она научаетъ насъ смотрѣть на себя, какъ на дѣтей, предметъ заботы Небеснаго Отца, который создалъ насъ, чтобъ сообщать намъ Свой собственный Духъ и совершенства. Онъ создалъ насъ для правды и добродѣтели. Но премудрости Его угодно было поставить насъ въ міръ, гдѣ дѣлать зло часто бываетъ выгодно, а исполнять обязанности трудно и опасно, гдѣ пороки заглушаютъ то, что говоритъ намъ внутренній голосъ, гдѣ тѣло тяготѣетъ надъ духомъ, а матерія непрерывнымъ дѣйствіемъ на чувства воздвигаетъ стѣну между нами и духовнымъ міромъ. Но борьбою и терпѣніемъ должны мы становиться крѣпкими. Богъ же—помощникъ нашъ—послалъ намъ Сына Своего, чтобъ возвысить духъ нашъ, очистить насъ отъ грѣховъ и облечь въ безсмертіе.

Безъ Бога и религіи жизнь наша не имѣетъ опоры, дѣятельность не имѣетъ цѣли, знаніе мертво и не полно. Безъ религіи наши успѣхи будутъ непостоянны, лучшіе труды наши не будутъ имѣть послѣдовательности и выдержки. Намъ всегда будетъ недоставать увѣренности, что благороднѣйшія стремленія и желанія души нашей осуществятся въ лучшей жизни.

Всѣ истины христіанскаго ученія направлены къ одной цѣли: къ духовной свободѣ; всѣ предметы, которые оно представляетъ нашему размышленію, божественны и должны воспламенять и воодушевлять насъ къ добру.

Иные найдутъ, можетъ быть, что эти мысли не всегда оправдываются опытомъ. Многіе противопоставляютъ идеѣ свободы—стѣсненія, которыя налагаетъ религія, и угрозы, которыя она высказываетъ. Да, это правда, религія имѣетъ угрозы и должна имѣть ихъ, такъ какъ зло тѣсно и неотразимо связано съ бѣдствіемъ и страданіемъ. Но не забудемъ, что эти угрозы имѣютъ всѣ только одну цѣль: освобожденіе нашей души. Онѣ всѣ направлены противъ страстей, которыя порабощаютъ и унижаютъ насъ. Если же эти угрозы высказываются въ проповѣди не-

разумно или неправильно и являются запугиваньемъ, порождающимъ рабскій духъ и суевѣріе, то не религію можно винить въ этомъ. Правда, мы видимъ, что въ одномъ мѣстѣ она является только формой, цикломъ молитвъ и обрядовъ, попыткой расположить къ себѣ Бога лестью и подобострастіемъ; въ другомъ—она дѣйствуетъ терроромъ, подчиняющимъ все лицу служителя церкви; иногда она выражается искусственными эффектами, сильными ощущеніями, уносящими душу подобно вихрю и лишающими ее самообладанія. Но кто виноватъ въ этомъ? Не выражаетъ ли все это только немощь человѣческую, не свидѣтельствуетъ ли истину словъ Св. писанія: „Какъ небо выше земли, такъ мысли мои выше мыслей вашихъ, говоритъ Господь“.

Истинное богопочитаніе не имѣетъ съ такой религіей ничего общаго. Оно есть спокойное, глубокое убѣжденіе въ отеческой заботливости Провидѣнія о спасеніи, счастіи и славѣ Его созданій. Это практическая увѣренность, что Богу угодна добродѣтель, а не формы и лесть, что Ему особенно угодны наши усилія подражать безкорыстной любви и правосудію, которыя составляютъ Его славу. И за такой религіей конечно можно признать честь сообщать душѣ благородство и свободу. Духъ Христіанства есть духъ истинной свободы въ томъ смыслѣ, что это есть духъ вниманія и уваженія къ интересамъ и правамъ ближняго. Признавая братство людей предъ общимъ Небеснымъ Отцомъ, Христіанство умерщвляетъ въ насъ тотъ естественный зародышъ эгоизма и властолюбія, изъ котораго вышло рабство. Оно глубоко утверждаетъ основанія истинной свободы: благоволеніе, милосердіе, правосудіе и уваженіе къ человѣческой природѣ. Духъ свободы есть охранитель не однихъ только нашихъ личныхъ правъ. Это охранитель чужихъ правъ, внушающій намъ рѣшимость не обижать никого, ни низко, ни высоко поставленнаго. И это тѣмъ важнѣе, что люди, смотря по духу времени, всегда были склонны нападать то на слабаго, то на сильнаго, сообра-

жаясь съ тѣмъ, какая сторона беретъ верхъ въ данную минуту. Истинная же свобода только тогда ограждена въ обществѣ, когда оно оживлено христіанскими чувствами безпристрастія и благоволенія къ каждому, не разбирая его положенія. Но религія и въ другомъ отношеніи необходима для поддержанія свободы. Она уменьшаетъ потребность кары и ограждаетъ добровольное исполненіе закона тѣмъ, что уничтожаетъ въ человѣкѣ желаніе вредить другимъ и нарушать ихъ спокойствіе. Какъ скоро исчезаетъ очищающее вліяніе религіи на сердце человѣческое, тотчасъ эгоизмъ, кровожадность и несправедливость должны разразиться въ обществѣ. Среди же увеличивающихся опасностей необходимо усиливать кары за преступленія, а подавленіе зла часто ведетъ за собой и подавленіе свободы. Чѣмъ болѣе расшатываются въ обществѣ религіозныя основанія, тѣмъ болѣе возрастаетъ необходимость матеріальной силы. При этомъ случаѣ замѣтимъ, что напрасно стараются отдѣлять въ наше время интересы религіи отъ интересовъ государственныхъ. Это все равно что сказать: религія для своего распространенія не требуетъ, чтобъ родители передавали ее дѣтямъ, чтобъ церковь поддерживала ее своимъ ревностнымъ служеніемъ и поученіемъ, чтобъ благотворительность осуществляла ее дѣлами милосердія. Намъ возразятъ, что государственная власть не должна вмѣшиваться въ дѣло религіи и должна предоставить это частнымъ людямъ. Но развѣ государственная власть не есть представительница общества и развѣ государственная мудрость можетъ предоставить частнымъ лицамъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественнаго преуспѣянія? Точно на такомъ же основаніи государство должно бы совершенно отказаться и отъ заботы о воспитаніи, такъ какъ родительское чувство въ человѣчествѣ не уступаетъ въ силѣ религіозному. Однакожъ мы сознаемъ, что государство обязано приходить на помощь воспитанію тѣхъ неимущихъ классовъ общества, которые сами не могутъ себѣ дать его. Какъ же можемъ мы отстранять государство отъ заботы о наученіи

этихъ классовъ той Божественной истинѣ, которая не только хранитъ бѣднаго, но воспитываетъ и утѣшаетъ его и дѣлаетъ его наслѣдникомъ вѣчныхъ благъ.

3. Цивилизація и ея значеніе для свободы.

Потребность въ религіи нисколько не уменьшается и при такъ называемомъ прогрессѣ общества. Напротивъ, смѣло можно сказать, что одна человѣческая образованность (цивилизація, культура) не только безсильна дать душѣ нравственную силу и свободу, но несетъ за собою столько искушеній и опасностей для души, что только религія можетъ бороться съ ними. Увеличивая комфортъ и наслажденія жизни, цивилизація поощряетъ чувственность, которая порабощаетъ насъ земному. Обыкновенно называютъ образованіе, науки, художества вѣрными средствами для возвышенія человѣка, для его торжества надъ силами природы, которыя онъ покоряетъ и заставляетъ служить своимъ пользамъ. Да, онъ ихъ покоряетъ, это правда, но не для того ли, чтобъ сдѣлаться ихъ рабомъ? Онъ воздѣлываетъ и украшаетъ землю, чтобъ самому стать болѣе земнымъ. Онъ исторгаетъ изъ нѣдръ ея богатства, чтобъ изъ нихъ ковать себѣ цѣпи. Онъ объѣзжаетъ всѣ страны вселенной, чтобъ бѣжать отъ собственной души и жить ей чуждымъ. Среди громадныхъ успѣховъ цивилизаціи еще настоятеленѣе необходимость такого начала, которое, освобождая человѣка отъ вліянія матеріи, обращало бы его къ міру внутреннему, невидимому, и только религія можетъ совершить это великое обращеніе.

Выгоды цивилизаціи имѣютъ еще и другія опасности. Расширяя общежитіе и публичность, онѣ усиливаютъ власть общественнаго мнѣнія, которое съ одной стороны является благотворною уздою, но зато съ другой часто переходитъ въ деспотизмъ, болѣе всего подавляющій оригинальность и свободу мысли. Деспотизмъ мнѣнія и моды не только

уничтожаетъ индивидуальный характеръ, но и осуждаетъ общество на духовное однообразіе, охлаждая его стремленіе къ совершенству. Религія есть единственная сила, способная перевѣшивать тяжесть общественнаго мнѣнія, исторгающая насъ изъ подъ власти обычая, чтобъ подчинить насъ суду болѣе возвышенному.

Однимъ изъ важныхъ благодѣяній цивилизаціи, о которомъ столько говорятъ политико-экономы, есть раздѣленіе труда, совершенствующее ремесла и искусства. Но это раздѣленіе труда, замыкая умъ въ безвыходный кругъ односторонихъ занятій, мельчайшихъ производствъ, способствуетъ его притупленію. Есть страны, обладающія усовершенствованными фабриками, но выродившимися людьми. Другой выгодой цивилизаціи считается утонченность нравовъ и размноженіе талантовъ. Но все это замѣтно вытѣсняетъ простоту характера, силу чувства, любовь къ природѣ, любовь къ внутренней красотѣ и добру. Подъ изысканностью въ обхожденіи часто встрѣчается холодный эгоизмъ, духъ расчета и оскудѣніе любви.

Нельзя не смотрѣть съ безпокойствомъ на такъ называемое цивилизованное общество, нельзя не желать, чтобъ на него сошелъ съ Неба обновляющій духъ религіи и переродилъ его. Особенно должны мы бояться того распаляющаго страсти порока стяжанія, который въ наше время всего болѣе порабощаетъ человѣка. Уничтоженіе наслѣдственныхъ привилегій еще болѣе выставляетъ цѣну богатства и дѣлаетъ его единственной цѣлью для честолюбія. Прибавимъ къ этому эпикурейскіе вкусы, которые болѣе и болѣе распространяются и съ ненасытной алчностью требуютъ для своего удовлетворенія безпрестаннаго увеличенія богатствъ. Многое, что прежде могущественно волновало людей, какъ, напримѣръ, военная слава, общественныя отличія, постепенно отступаетъ на второй планъ и теряетъ власть свою надъ ними, и такимъ образомъ душа остается болѣе открытою для соблазна богатствомъ.

Библиотека ООН

Нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ торговли, промышленности, вѣкъ механическихъ изобрѣтеній или, какъ принято выражаться, мирныхъ улучшеній. Но что выиграемъ мы отъ этого мира, если люди, вмѣсто того чтобъ встрѣчаться на поляхъ битвъ, вступятъ между собою въ гораздо менѣе славную борьбу безчестнаго и жаднаго барыша? Что выиграемъ мы, если при уменьшеніи наслѣдственной гордости и политическаго честолюбія, интриги биржевой игры заступятъ мѣсто интригъ дипломатіи и будутъ рѣшителями судебъ народовъ, если частная пышность и роскошь замѣнятъ блескъ дворовъ и общественной представительности? Итакъ, если религія не будетъ очищать и направлять всѣ эти движенія цивилизаціи, то послѣдняя развратитъ насъ вмѣсто того, чтобъ облагородить.

Упомянемъ еще объ одной крупной опасности, сопровождающей человѣческую образованность, когда она не смиряется религіей: это духъ партій. Гордость, самоувѣренность и нетерпимость заставляютъ обыкновенно людей искать соединенія въ кружки и партіи, которыя организуются для того, чтобъ свои предвзятыя мнѣнія проводить въ жизнь путемъ интриги и насилія. Развитіе публицистики облегчаетъ эту борьбу партій; печать часто изъ личныхъ корыстныхъ расчетовъ, отдаетъ себя на служеніе той или другой изъ нихъ, стараясь запугать общественное мнѣніе и заглушить свободу сужденія. Самая характеристическая черта нашего времени—это наклонность людей сплачиваться въ ассоціаціи, обезличиваться въ массѣ, думать и дѣйствовать толпами подъ возбужденіемъ численности, жертвуя при этомъ своей самостоятельностью и независимостью. При такомъ направленіи общества спокойное и безпристрастное обсужденіе самыхъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ совершенно невозможно, и общество живетъ и дѣйствуетъ въ какомъ-то лихорадочномъ пароксизмѣ. Радоваться ли такому забвенію Христіанскаго мира на землѣ, ожидать ли намъ, чтобъ изъ такого ненормальнаго состоянія умовъ могла выйти прочная свобода?

Послушаемъ сужденія объ этомъ Чаннинга, одного изъ лучшихъ представителей свободы въ странѣ по преимуществу свободной.

„Наши свободныя учрежденія не улучшаютъ насъ сколько бы слѣдовало, и причину такого разочарованія должны мы искать въ духѣ партій. Вліяніе этого духа до того пагубно, что я считаю долгомъ предостерегать отъ него каждаго человѣка, которому дорого истинное совершенствованіе. Я говорю, что духъ партій не только погубитъ насъ, но онъ и теперь ведетъ со всѣми нами самую жестокую войну.

Истина, справедливость, прямота, честность, здравое сужденіе, самообладаніе — все затрогиваетъ этотъ духъ нетерпимости, все это онъ съ наслажденіемъ разрушаетъ.

Соедините людей для какой-нибудь идеи худой или хорошей и поставьте передъ ними лицемъ къ лицу такую же соединенную силу, защищающую противоположное мнѣніе, и новая страсть, не имѣющая ничего общаго съ первымъ побужденіемъ, новое чувство, необузданное, яростное, состоящее болѣе всего въ ненависти къ представителямъ противнаго мнѣнія, овладѣетъ всѣми и разовьется съ ужасной силой. Въ сердце каждаго войдетъ вся та доля запальчивости, упрямства и ненависти, которая одушевляетъ цѣлый кружокъ. Торжество партіи сдѣлается всякому дороже самаго принципа, за который ратуютъ. Станутъ бороться уже не за идею, а за власть, за побѣду. Такія преступныя схватки наполняютъ страницы исторіи и помрачаютъ ихъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Чаннингъ говоритъ: „Нашъ вѣкъ по преимуществу сектаторскій. Въ такомъ вѣкѣ всего настоятельнѣе является опасность, что подъ какимъ-нибудь знаменемъ явится цѣлая армія сектаторовъ, довольно многочисленная и сильная, чтобъ запугать общество, задушить свободное выраженіе мнѣній и осудить разномыслящихъ на осторожное молчаніе. Не рискуя быть обвиненной въ низости, такая партія можетъ достигнуть тѣхъ же цѣлей, какихъ достигаетъ карательный законъ.“

Но вотъ какъ разсуждаетъ Чаннигъ о журналахъ, являющихся орудіемъ такихъ страстей и питающихъ между людьми вражду и раздѣленіе. „Всякій человѣкъ, уважающій себя, дорожащій своимъ развитіемъ, долженъ охранять какъ отъ заразы свое жилище отъ такихъ органовъ печати, которые исполняютъ ремесло нравственныхъ отравителей, или шутовъ, надо всѣмъ издѣвающихся. Онъ долженъ руководствоваться въ выборѣ журнала не однимъ только талантомъ издателя, но честностью, неподкупностью и постоянною преданностью его великимъ нравственнымъ началамъ.“

Слова эти совершенно противорѣчатъ ходячему мнѣнію, что періодическое изданіе есть не болѣе какъ частная собственность издателя, которой онъ полный хозяинъ и гдѣ онъ въ силу затраченнаго имъ капитала можетъ проводить какія угодно мнѣнія, сообразуясь съ своими вкусами, матеріальными выгодами и минутнымъ настроеніемъ общества. Какъ желательно, чтобъ такой важный органъ общественной жизни, какъ печать, всегда легко направляющая мало размышляющую толпу въ ту или другую сторону, поняла всю святость своего служенія и отвѣтственность, которую она понесетъ передъ вѣчнымъ Божественнымъ правосудіемъ.

И не правъ ли былъ Чаннингъ въ своихъ опасеніяхъ? Что сказалъ бы онъ о такихъ партіяхъ, которыя замышляютъ устанавливать свои взгляды преступленіями и насильственными переворотами и втайнѣ куютъ ковы противъ безопасности и историческаго порядка своего общества. Что сказалъ бы онъ о томъ, что въ эти партіи болѣе всего вербуется незрѣлая и всегда увлекающаяся молодежь? Не есть ли это естественное развитіе духа партій? Не трудно предугадать, до чего можетъ довести насъ это великое зло нашего времени, если всѣ честные люди не будутъ энергически произносить свое осужденіе такому образу дѣйствій.

Но, говоря о сектаторскомъ духѣ нашей эпохи, мы не хотимъ однако сказать, что мы не должны дѣлать никакихъ усилій для распространенія того, что считаемъ правдой Бо-

жіей. Наше мнѣніе должно быть услышано при всякомъ случаѣ, гдѣ мы можемъ надѣяться оказать пользу истинѣ. Но мы не должны употреблять для этого средствъ, которыя бы дѣлали насъ рабами другихъ, или связывали бы кого нибудь насильно. Мы не должны также требовать однообразія мнѣній, помня, что и духовная жизнь подобно матеріальной можетъ существовать и развиваться подъ самыми разнообразными формами. Притомъ какъ часто тѣ, которые разнятся между собою въ словахъ и понятіяхъ, согласны между собою въ сердцѣ. Будемъ всегда помнить, что сама божественная истина, глубоко уважая свободу души человѣческой, утверждалась на землѣ духомъ кротости и силой убѣжденія скромныхъ и одинокихъ провозвѣстниковъ своихъ. Христіанство принесло на землю такую свободу и широту духа, которую постигшій ее не промѣняетъ ни на какое торжество своей идеи, если это торжество куплено средствами, противорѣчащими высшей нравственности и личной независимости.

4. Правительство.

Переходя къ правительству, мы должны оговориться, что разумѣемъ подъ этимъ словомъ всю совокупность гражданскихъ учрежденій, орудіемъ которыхъ является интеллигенція страны. Часто высказывалось сужденіе, что гражданскія учрежденія не могутъ имѣть другихъ цѣлей кромѣ земныхъ и что религія призвана имѣть попеченіе о душѣ, а правительства охраняютъ только внѣшніе интересы. Нужно ли оспаривать такое сужденіе и доказывать, что рѣзкое разграниченіе между нашими земными и небесными интересами потому не возможно, что во всемъ нашемъ существѣ царствуетъ единство? Есть высшая цѣль, для которой мы созданы, есть центральный магнитъ, притягивающій все наше существо: это—развитіе нашей разумной, нравственной природы. И величайшій умъ не будетъ въ состо-

яніи объяснить что такое государство, если не признаетъ въ немъ части дивнаго механизма Божія, назначеннаго для выполненія Его предвѣчныхъ замысловъ. Правительства конечно поставлены для того, чтобъ охранять интересы настоящей жизни. Но эти интересы въ высшемъ своемъ значеніи духовны, то есть всякое матеріальное благо только тогда можно считать дѣйствительно благомъ, когда оно способствуетъ здоровью души.

Самое общество есть учрежденіе нравственное. Это есть ассоціація разумныхъ существъ, соединенныхъ на защиту справедливости и права. Иные опредѣляли общество какъ результатъ контракта или эгоистическаго расчета, чтобъ охранять свои частныя выгоды. Многіе считаютъ политическую мудрость способною создать такой порядокъ вещей, изъ котораго вытекала бы свобода, не взирая на испорченность націи. При такихъ замыслахъ думаютъ, что возможно привести въ равновѣсіе людскія страсти и интересы, употребить эгоизмъ одного человѣка уздою противъ эгоизма его сосѣда и осуществить миръ и согласіе посредствомъ равновѣсія враждебныхъ силъ. Вся эта теорія подозрительна. Никакія комбинаціи, никакая ловкая эквилибристика не заставятъ порокъ исполнять роль добродѣтели.

Общество имѣетъ источникъ болѣе исконный и благородный, нежели охраненіе личныхъ выгодъ. Оно есть учрежденіе божественное и соотвѣтствуетъ всему, что есть божественнаго въ нашей природѣ. Самыя крѣпкія узы, которыя связываютъ людей въ общества, это вовсе не контракты, не выгода, не сила. Эти узы невидимы, неуловимы, духовны—это узы разума и сердца, и они заключаются въ привязанностяхъ. Наши лучшія способности устремляютъ насъ къ обществу, какъ къ средѣ, въ которой онѣ находятъ удовлетвореніе. Безъ сомнѣнія, можно сильно укрѣпить и связать общество хорошими уставами. Но есть уставъ, который предшествовалъ всему, что изобрѣтали люди, и который долженъ служить образцомъ для всѣхъ уставовъ. Правила этого устава начертаны въ на-

шемъ сердцѣ: это законы правосудія, прямоты и любви, которые должны быть животворящимъ духомъ всѣхъ человѣческихъ уставовъ.

Какимъ же образомъ правительство можетъ поднять энергію нравственнаго чувства? Конечно не тѣмъ, чтобъ обратить различныя добродѣтели въ пункты законодательства, не тѣмъ, чтобъ поддерживать религію силой или понужденіемъ, а собственнымъ примѣромъ служенія тѣмъ высшимъ началамъ христіанской нравственности, которымъ оно должно подчиняться. Правительство должно служить религіи самымъ открытымъ и торжественнымъ заявленіемъ своего уваженія къ человѣческому достоинству, къ справедливости, къ общему благу, къ интересамъ воспитанія, къ семейнымъ узамъ и чистымъ привязанностямъ.

Самое видное изо всѣхъ учрежденій человѣческихъ есть правительство, и еслибъ правосудіе и нравственность всегда блистали на челѣ его и сопровождали всѣ его дѣйствія—это усиливало бы энергію чистыхъ началъ въ душѣ каждаго отдѣльнаго члена общества.

Такъ правительство будетъ возвышать духъ своихъ гражданъ, если безпрестанно будетъ держать предъ глазами ихъ идею общаго блага. Стремясь къ этой цѣли съ рѣшимостью и постоянствомъ, оно сдѣлается орудіемъ добродѣтели и научитъ гражданъ чтить святость общественныхъ интересовъ, подчинять имъ свой эгоизмъ, научитъ ихъ жертвовать собой отечеству, когда того требуютъ обстоятельства.

Отъ правительства зависитъ важнѣйшее начало въ обществѣ—правосудіе. Уваженіе, совершенно равное къ правамъ знатныхъ и не знатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, должно быть таково, чтобъ никакое минутное настроеніе общества не могло наклонять вѣсы ни на ту, ни на другую сторону. Собственность, какъ главный предметъ законодательства, есть тотъ матеріалъ, на которомъ проявляется дѣйствіе правосудія. Всего опаснѣе для торжества справедливости, когда само правительство въ чемъ-либо нарушаетъ свое слово и

существующіе законы, когда оно поощряетъ или терпитъ сребролюбіе, алчность къ наживѣ на чужой счетъ и продажность самихъ отправителей правосудія, когда оно слабѣе караетъ крупное общественное воровство, нежели частные и мелкіе проступки этого рода.

Другая задача правосудія есть огражденіе безопасности общества отъ нарушенія закона, отъ насилія и преступленія. Для этой цѣли дѣйствующіе законы должны быть сколько можно немногочисленны, просты и ясны, потому что обширныя и темныя уложенія, безпрестанно измѣняемыя, увеличиваютъ число нарушеній. Они производятъ соблазнъ обходить законъ и приводятъ гражданъ къ безполезному столкновенію съ властью. Мудрость законодательствъ заключается болѣе всего въ томъ, чтобъ прививать законы къ самой совѣсти людей.

Что же касается до кары преступленій, то здѣсь нельзя довольно остерегаться какъ излишней строгости, такъ и послабленій. Соотвѣтствіе наказанія преступленію должно быть всего строже взвѣшиваемо. Если слишкомъ суровыя наказанія и зрѣлища казней ожесточаютъ сердце народа, за то и послабленія, сдѣлки съ совѣстью, стремленіе укрыть виновность развращаютъ духъ народа и обращаютъ судей въ открытыхъ проповѣдниковъ преступленія.

Но на ряду съ неподкупностью и честностью суда на обязанности христіанскихъ правительствъ лежитъ забота объ исправленіи преступниковъ. Бросая людей еще не окончательно погибшихъ въ толпу злодѣевъ, въ зараженную атмосферу общей тюрьмы, правительство тѣмъ самымъ увеличиваетъ количество преступниковъ. Человѣколюбіе должно радоваться реформамъ, совершеннымъ въ духѣ его во всѣхъ образованныхъ странахъ. Но удалить преступника отъ вредныхъ вліяній — это только первый шагъ. Поставить его подъ хорошія вліянія не менѣе важно, и тутъ личная дѣятельность должна придти на помощь правительству. Пастыри церкви, христіане, извѣстные своимъ благочестіемъ и человѣколюбіемъ, должны

входить въ сношенія съ уединенными преступниками и выражать имъ братское участіе разговорами, книгами, ободреніемъ, должны стараться затронуть въ нихъ тѣ струны, которыя давно перестали звучать. Въ этомъ славномъ призваніи христіанской любви нельзя сомнѣваться, зная, что такъ поступалъ Тотъ, Кто пришелъ взыскать и спасти погибшаго. Но до сихъ поръ никто не можетъ въ полномъ смыслѣ вѣрно судить о результатахъ такой дѣятельности, такъ какъ геній и силы человѣчества никогда еще не были серьезно направлены къ этой цѣли.

Великимъ средствомъ въ рукахъ правительства къ возвышенію народнаго характера могутъ служить справедливость и человѣколюбіе въ сношеніяхъ его съ другими правительствами. Соблюдая умѣренность, искренность, миролюбіе по отношенію къ другимъ государствамъ и духъ благоволенія къ иностранцамъ, правительство сообщаетъ своему народу облагораживающее сознаніе, что и онъ принадлежитъ къ великой семьѣ людской и имѣетъ интересы общіе съ цѣлымъ человѣчествомъ. Правительство только тогда стоитъ на должной высотѣ, когда оно вмѣстѣ съ христіанствомъ распространяетъ между людьми заповѣдь всеобщей любви.

Но если правительства, служа высокимъ началамъ добра, воспитываютъ тѣмъ цѣлый народъ свой, то можно представить себѣ, какъ важно господство чистыхъ началъ въ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Настоящее время есть время великихъ опасностей для юности. Оно отличается замѣчательнымъ развитіемъ матеріальнаго могущества человѣка, его дѣятельности, свободы. Старыя учрежденія и обычаи, прежніе авторитеты, внѣшнія средства для обузданія юности отжили свое время. Люди всѣхъ состояній и возрастовъ думаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ гораздо свободнѣе прежняго. Въ юности зажглось стремленіе къ какому-то новому нравственному порядку, къ какимъ-то новымъ путямъ въ жизни, которыхъ, однако, они сами опре-

дѣлить не въ силахъ. Это замѣчательное движеніе имѣетъ свой смыслъ и указываетъ на развитіе въ обществѣ новаго духа, новыхъ потребностей и интересовъ. Но положеніе это имѣетъ и свои опасности, и мы не должны закрывать на нихъ глаза и бездѣйствовать. Въ такое время легче подрываются основы нравственности, чаще встрѣчается распущенность ума и воли, сужденію недостаетъ устоя. Является непостижимая дикость мнѣній и желаній, страстность, необдуманность и смѣлость поступковъ. Въ область воспитанія вторгаются люди испорченные и желчные, которые ведутъ пропаганду безвѣрія, разочарованія и озлобленія. И такими чувствами наполняются сердца въ возрастѣ, когда любовь и великодушіе должны бы составлять нормальное состояніе души и наполнять ее беззаботнымъ счастьемъ.

Въ такое время очевидно является необходимость замѣнить внѣшнюю узду внутренней силой, и болѣе чѣмъ когда-либо въ воспитаніи важно вліяніе живой и просвѣщенной религіи, которая бы отвѣчала на практическіе вопросы жизни, успокоивала всякое болѣзненное возбужденіе, укрѣпляла чувство долга, открывала пути для благороднаго употребленія силъ. Горе тому обществу, въ которомъ религіозное воспитаніе молодыхъ поколѣній, остается въ пренебреженіи и ограничивается одною холодною формальностью, гдѣ юность возрастаетъ среди нравственной распущенности, чувственныхъ соблазновъ и корыстныхъ практическихъ расчетовъ. Никакое умственное развитіе, никакое поощреніе успѣховъ знанія не восполнятъ отсутствія въ воспитаніи любви и нравственной чистоты, какъ лучшихъ сокровищъ человѣка.

Доказательствомъ справедливости этихъ словъ можетъ служить успѣхъ всякихъ преступныхъ пропагандъ среди образованной молодежи, тогда какъ эти пропаганды встрѣчаютъ несравненно сильнѣйшій отпоръ въ темномъ народѣ, хранимомъ своей младенческой вѣрой и болѣе живыми религіозными вліяніями. О томъ же, каково должно

быть религіозное преподаваніе для образованныхъ классовъ общества, мы надѣемся побесѣдовать особо.

Но для того, чтобъ правительство могло устремлять на лучшіе пути общественное воспитаніе, оно должно быть прежде всего само проникнуто вѣрой и благоговѣніемъ къ тѣмъ святымъ началамъ, которыя оно желаетъ распространить для общаго блага. Не по имени только должно оно признаваться христіанскимъ правительствомъ!

5. Государственные люди.

Помощниками правительствъ въ достиженіи всѣхъ этихъ цѣлей являются интеллигентныя силы страны. Живые люди, облеченные властью и вліяніемъ, при всякомъ образѣ правленія, имѣютъ гораздо большее значеніе въ гражданской жизни, нежели мертвые уставы и буква закона.

Изо всѣхъ ученій, посредствомъ которыхъ порокъ разливался въ обществѣ, не было понятія вреднѣе того, что государственные люди избавлены отъ общихъ законовъ нравственности, что уставы Божескіе и человѣческіе для нихъ не обязательны. Въ наше время часто приходится слышать сужденіе, что развратъ, преслѣдованіе своихъ личныхъ выгодъ, неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣлей—все это можетъ не мѣшать государственному человѣку хорошо дѣлать свое дѣло. Благодаря этой доктринѣ порокъ не краснѣя подымалъ чело свое и темная интрига безстрашно добивалась высокихъ положеній и вліянія. Люди, достигшіе такимъ образомъ власти, сообщали преступленію обаяніе своего величія. По примѣру высшихъ и многіе другіе начинали смотрѣть на вѣчные законы какъ на временные и условные и переставали цѣнить добро.

Чѣмъ болѣе люди, обладающіе властью, отдаются въ рабство грѣху, тѣмъ болѣе источникъ истиннаго правосудія въ государствѣ становится мутнымъ и зараженнымъ.

Самые здравые законы дѣлаются безсильными, если имъ недостаетъ честныхъ исполнителей и поддержки общественнаго мнѣнія. Тогда себялюбцы, люди безнравственные, льстя дурнымъ страстямъ и ослѣпляя общественный разумъ, овладѣваютъ центромъ умственнаго вліянія, захватываютъ мѣста, облекающія ихъ властью и довѣріемъ, и обращаютъ самыя лучшія учрежденія въ безжизненныя формы или орудія угнетенія. Ничто такъ не задерживаетъ успѣховъ общества, какъ низкій взглядъ государственныхъ дѣятелей на духовную природу человѣка. Понятіе, что заботы государства и законодательства должны быть всѣ направлены только на приращеніе матеріальнаго благосостоянія, на внѣшній порядокъ и земное благоустройство, есть понятіе ложное. Государственный человѣкъ, который не умѣетъ предвидѣть вліянія своихъ мѣръ на духъ народа, недостоинъ прикасаться ни къ одному изъ драгоцѣнныхъ интересовъ человѣчества. Никакія хартіи, никакіе успѣхи наукъ человѣческихъ, промышленности и торговли не спасутъ общества, нравственно падшаго, отъ отвѣтственности, его ожидающей.

Пусть же государственные люди и гражданскіе правители болѣе другихъ развиваютъ въ себѣ благотворный духъ истинной религіи и безкорыстную любовь къ добру, какъ первыя потребности своего общественнаго служенія. Никакая видимая выгода, ни собственная, ни общая, не должна соблазнять ихъ къ нарушенію законовъ нравственности. Пусть они вѣруютъ въ добродѣтель, какъ въ единственную силу народовъ — гораздо высшую, чѣмъ всякая матеріальная сила. Они не должны разочаровываться временнымъ неуспѣхомъ праваго дѣла. Они должны помнить, что если они сами и ихъ современники живутъ для настоящаго, то Государство живетъ для вѣковъ. Время — этотъ непогрѣшимый судія — всегда оправдываетъ мудрость государственнаго человѣка, который вѣритъ въ силу правды Божіей, признаетъ ея требованія и съ благоговѣніемъ слѣдуетъ ея указаніямъ среди всеобщей безчестности и испорченности.

Изо всего сказаннаго ясно видно, что не въ формѣ правленія, которая всегда складывается въ силу историческихъ обстоятельствъ, а въ достоинствѣ людей заключается истинный залогъ свободы. И потому всякій человѣкъ, облеченный властью, долженъ болѣе всего остерегаться, чтобъ связи, протекція, предвзятые личные взгляды, искательство и лесть не ослѣпляли его въ выборѣ людей, возвышенію которыхъ онъ способствуетъ. Знаніе, талантъ, дѣятельность, а выше всего нравственный характеръ— вотъ что каждый человѣкъ съ вліяніемъ долженъ выдвигать и поддерживать, если онъ честно желаетъ общаго блага.

Величайшее заблужденіе современности заключается въ томъ, что люди питаютъ какую-то подобострастную вѣру въ свободныя учрежденія, какъ будто они имѣютъ магическую силу охранять наши права даже и тогда, когда мы порабощены страстями. Между тѣмъ опытъ другихъ народовъ убѣждаетъ насъ, что формы свободы часто еще очень далеки отъ ея сущности, что хотя бы буква свободныхъ учрежденій соблюдалась, духъ ихъ можетъ быть утраченъ; что даже самая мудрѣйшая предусмотрительность безсильна помѣшать, чтобъ драгоцѣннѣйшія права не могли обратиться въ орудія тиранніи. Въ странѣ, именующей себя свободною, подобранное большинство можетъ обратиться въ партію, а изгнанное, но правое меньшинство можетъ быть оскорблено, ограблено, угнетено. Въ выборныхъ правительствахъ партія интриги можетъ овладѣть посредствомъ подкупа и подпольной агитаціи всѣми отраслями законодательства и управленія и вести ихъ къ цѣлямъ, противнымъ благу государства. Безпрестанно видимъ мы воочію такіе примѣры, но наше подобострастіе даже къ призраку свободы такъ велико, что мы и передъ такимъ порядкомъ вещей готовы преклоняться. Свободныя учрежденія только тогда прочно обезпечиваютъ права человѣка, когда они сами обезпечены духовной свободой, той нравственной силой, которую христіанство поставило передъ нами, какъ высшее благо нашего существованія.

Вотъ какъ заключаетъ Чаннингъ свою увлекательную рѣчь о духовной свободѣ, произнесенную имъ однажды на годовыхъ выборахъ въ Бостонѣ:

„Я желалъ бы принадлежать государству, въ характерѣ и учрежденіяхъ котораго я видѣлъ бы постоянное стремленіе къ усовершенствованію, о которомъ я могъ бы говорить съ благородной гордостью, въ лѣтописяхъ котораго я встрѣчался бы съ великими и уважаемыми именами въ области открытія истины и служенія добродѣтели. Не дай Богъ принадлежать къ странѣ, которая поклоняется богатству, не заботясь объ истинной славѣ, къ странѣ, въ которой интрига является законодательницею, патріотизмъ внушается корыстнымъ расчетомъ, а голодные сикофанты осаждаютъ своими домогательствами всѣ отрасли управленія, — странѣ, гдѣ общественные дѣятели вооружены факеломъ порока и правительственная резиденція есть вертепъ частнаго разврата и политической испорченности. Не говорите мнѣ о чести принадлежать странѣ свободной. Я спрошу, приноситъ ли наша свобода добрые плоды? Даетъ ли она намъ тотъ духъ мужества, ту общественную доблесть, которыя возвысили бы насъ надъ народами, задавленными деспотизмомъ? Не говорите о нашемъ благосостояніи. Гораздо лучше принадлежать къ бѣдному народу съ простыми нравами, который боится Бога и уважаетъ самого себя, нежели принадлежать къ странѣ, пользующейся величайшимъ благосостояніемъ, но не знающей блага выше денегъ. Я серьезно желаю нашему отечеству, чтобъ вмѣсто подражанія Европѣ, оно имѣло свой собственный характеръ, сообразный съ свободой и равенствомъ нашихъ учрежденій. Одной Европы довольно, довольно одного Парижа. Какъ желательно было бы, чтобъ мы, отдѣленные отъ восточнаго полушарія океаномъ, еще болѣе отдѣлялись отъ него простотою нравовъ, чистотою домашней жизни, внутреннимъ благочестіемъ, уваженіемъ къ человѣческой природѣ, нравственной независимостью и твердымъ противодѣйствіемъ тому духу

моды, той разслабляющей чувственности, которыми страдаютъ самыя цивилизованныя страны стараго свѣта".

Можно ли высказать и Россіи желанія лучшія этихъ? Очищенная страданіемъ, озаренная свѣтомъ самоотверженной Христіанской любви, не должна ли она, наконецъ, убѣдиться, что ни цивилизація, ни свободныя учрежденія не въ силахъ предохранить націи отъ бездушной и безчеловѣчной политики, съ которою столкнули насъ послѣднія событія. Можно ли пожелать нашей интеллигенціи чего-либо лучшаго, какъ смиренія своей гордости передъ тою великою силой правды Христовой, которая во всѣ историческія минуты обнаруживается въ глубинѣ нашего народнаго духа и пристыжаетъ насъ, оправдывая слова Спасителя:

„Славлю Тебя, Отче неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ".

Оглавленіе.

стр.

Отъ издателя 3

Предисловіе къ 1-му изданію 5

1. Духовная свобода—основаніе гражданской 7

2. Религія 11

3. Цивилизація и ея значеніе для свободы . . . 15

4. Правительство 20

5. Государственные люди 26